

Они сражались за Родину!

★ Юрий КОРЧЕВСКИЙ ★

ФРОНТОВИК НЕ ПРОМАХНЕТСЯ!

ЖАРКОЕ ЛЕТО
ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художник Иван Хивренко

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Фронтвик не промахнется! Жаркое лето
пятьдесят третьего / Юрий Корчевский. —
Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Война.
Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-699-92980-1

Новый скорострельный боевик от автора бестселлеров
«Фронтвик. Без пощады!» и «Фронтвик стреляет наповал».
Вернувшись с Великой Отечественной, войсковой
разведчик становится лучшим опером легендарного МУРа.

На фронте он не раз брал «языков», но «на гражданке»
предпочитает не задерживать бандитов и убийц, а стрелять
на поражение.

Только-только справились с послевоенным разгулом
преступности, как умирает товарищ Сталин, объявлена
амнистия, но не политическим, а уголовникам, из лагерей
выпускают тысячи воров, грабителей, насильников.

«Холодное лето 1953 года» будет жарким.

А значит – Фронтвику снова идти в бой.

Он стал снайпером еще на передовой.

На его боевом счету уже более сотни нелюдей –
гитлеровцев и урок.

Его верный ТТ не знает промаха!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92980-1

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТОЛИЦУ

Прошло два года, за которые произошло много событий. Во-первых, Андрей женился. Свадьба скромная была. Для молодой девушки свадьба едва ли не главное действие в жизни. Мария расстаралась, к торжеству платье новое пошила. Андрей обручальные кольца купил. Не самые дорогие и шикарные, но всё же золотые, по талонам из ЗАГСа. Со стороны жениха была пара — Феклистов с женой да тётка Маня.

А со стороны невесты — трое подружек из института да мама. После того, как расписались, радостное событие рождения новой советской семьи отмечали дома у Марии. Хоть и не хотелось Андрею примаком идти, а пришлось перебраться в дом Марии. В общежитии милицейском комната уж очень мала и «удобства» в коридоре, один на этаж с неизменной очередью. Но пообтёрся, привык. Служба неплохо шла, понемногу вал преступлений стихал.

Но жизнь не может не подбрасывать сюрпризы. После нескольких стычек с начальником милиции капитаном Щегловым, Феклистов перевёлся по службе в Москву. Да не на равную должность,

а начальником отдела уголовного розыска крупного городского района. Знали Николая Ивановича в Главке, ценили. Устроил Феклистов для сослуживцев, которых уважал, отходную. Когда гостей, изрядно подданных, провожал за калитку, Андрею сказал:

— Жаль, что расстаёмся. Сработался я с тобой. Но помни. Освоюсь на новом месте — к себе перетащу. Не даст тебе Щеглов толком работать, ему бы только показатели давать, чтобы перед начальством отчитаться. Не любит он службу и не понимает. Ты как?

— Да я не против.

Оно и в самом деле. Щеглов Андрея терпел, после перевода Феклистова поставил Андрея начальником удро. Не за деловую хватку, а просто некого было. На место Андрея нового опера приняли — младшего лейтенанта Савицкого, только что окончившего школу милиции. Молод, опыта нет, всему учить надо. И какой из него опер получится, пока сказать нельзя. А с Феклистовым они друг друга с полуслова понимали. Это как у лётчиков-истребителей слётанность пары.

И Марии приходилось в Москву на учёбу в институт каждый день на электричке мотаться. Было ещё одно обстоятельство, о чём месяца через три сообщил по телефону Феклистов.

— Не забыл ещё Петра Вениаминовича?

Как же, забудешь его. Отец бывшей возлюбленной Валентины, ставивший палки в колёса, из-за чего Андрей из прославленного МУРа ушёл.

— Как его забыть? А что с ним?

— На пенсию с почётом проводили.

— Да ну?

— Баранки гну. У меня в отделении место скоро освободится. Опера бандиты ранили, в больнице сейчас, поправляется уже. Но к службе не пригоден будет, если только в паспортный стол или в архив. Постараюсь начальству тебя сосватать.

В принципе, в Балашихе Андрей уже освоился, как-никак два с половиной года срок изрядный. И преступления громкие были, которые расследовать смогли, да и начальство из областного Главка отмечало премиями или, что чаще — грамотами.

В трубке только шорохи слышны. Андрей переваривал услышанное.

— Так я не понял, ты согласен? — спросил Николай.

— Согласен, согласен.

— Тогда бывай, жди приказ о переводе.

В трубке короткие гудки. Министерство одно, но Главки разные, по переводу потребуется согласование. Андрей представил, как вытянется лицо у начальника милиции Щеглова, когда увидит приказ о переводе Андрея. Сам виноват, что фактически выжил из отделения Феклистова. Шли дни, Андрей никому, даже Марии, о телефонном разговоре не общал. Дело может не выгореть, а у женщин языки длинные.

Видимо, не всё у Феклистова удачно получалось, время шло, а приказа не было. Андрей решил — правильно сделал, что Марии не сказал. А через месяц события пошли чередом. В милицию соседка тётки Мани позвонила с печальным известием.

Скончалась тётка в одночасье. Для Андрея удар под дых. Старенькая была, прихварывала, возраст

всё же. Но чтобы вот так внезапно? Андрей Щеглову заявление написал — три дня без содержания, и на электричку. С Курского вокзала Николаю позвонил. Не оставил сослуживец и приятель в беде, дал опера с мотоциклом. Без его помощи совсем бы зашился. Москва большая, пока все справки соберёшь, с местом на кладбище определишься, железные набойки на туфлях сотрёшь. На похороны Феклистов пришёл, соседи по коммуналке. Выпили на поминках. Андрей досадовал на себя. Мало внимания тётке уделял. Поговорить бы с ней по-людски, не спеша. А всё служба, времени не было. Единственная родная кровь была. Не она, так и про корни свои не знал бы, думал, что из пролетариев.

Три дня, как в Балашиху вернулся, Феклистов звонит.

— Есть приказ на тебя. Так что через день будет он у Щеглова. Можешь дела в порядок приводить.

Дома Андрей Марии о приказе сказал. Жена обрадовалась.

— На первое время в комнате тётки жить будем. Ты ведь там прописан?

— Тесновато.

— Как освоишься на службе, заявление подашь на расширение жилой площади.

Щеглов, как приказ получил, метал громы и молнии.

— Исподтишка провернул? Дружок помог?

А против приказа не попрёшь. Андрей оружие сдал, передал текущие дела молодому оперу. Пусть теперь Щеглов сам замену ищет. Не он бы, так до сих пор Феклистов в районном утре работал.

Утром уже входил в райотдел милиции. Здание осмотрел с интересом, всё-таки новое место службы. Феклистов представил нового сотрудника сослуживцам. Отдел уголовного розыска побольше, чем в Балашихе. Одних оперов семь человек.

Так и район больше, и население по численности раз в восемь-десять, чем в Балашихе вместе с районом. О Фролове сотрудники понаслышке знали, всё же в одной структуре служили, приняли хорошо. День ушёл на оформление документов, получение оружия. А ещё по карте границы района изучал. Непростой район — рынок, вокзал, промышленные предприятия. Что рынок, что вокзал — точки притяжения криминала. Ворьё, жулики всех мастей. Хотя старожилы отдела заявили, что за семь лет после войны порядок навели. Часть преступников посадили, другие в разборках погибли, в перестрелках с милицией. Кроме того, количество оружия на руках у населения поубавилось. Стволы изымались — у задержанных на месте преступления, при обысках подозреваемых лиц. Изъятое оружие уничтожалось, а подпитки не было, если только из старых схронов.

Андрея к одному опытному оперу прикрепили. Службу Андрей и сам знал, но район новый, своя специфика есть. В свободное время изучал фото лиц, находившихся в розыске. А ещё тех, кто вскорости освободиться должен. После отсидки селиться ближе ста километров от Москвы им запрещалось. Да только матёрые уголовники плевать хотели на Указы. Когда милиция таких останавливала, отговаривались — проездом я, с вокзала на вокзал. Оно-то и в самом деле так могло быть. В Москве сходились

пути-дороги со всех областей страны — шоссейные, железнодорожные, воздушные. Захочешь — миновать трудно. У милиционеров глаз намётан, в толпе бывших сидельцев вычисляли быстро — по наколам, по взгляду, по бледно-землистой коже лица. А если недавно вышел, то и по запаху. Тюремный запахок не скоро выветривался, как ни мойся. Уголовников в столицу привлекали два обстоятельства. Первое — город многомиллионный, в толпе затеряться проще. А второе — столица всегда богаче, зажиточней жила, чем провинция, есть чем пожить. Кроме того, в Москве дома огромные, много подъездов и этажей, жильцы не все друг друга знают, домушникам на руку. Бандитизм на убыль пошёл, зато вал квартирных краж.

И новые преступления появились — фарцовка. В столице после войны много посольств открылось. Ушлые люди через посольскую службу вещи зарубежные покупали, продавали втридорога. И за руку поймать их сложно. Чтобы обвинить в спекуляции, надо знать цену товара, а как её узнать, если в СССР данная вещь официально не поступала?

Облегчало жизнь домушников ещё то обстоятельство, что дверные замки к дверям выпускали артели. Из-за примитивного оборудования замки простенькие были, железо скверного качества. Замки больше для честного человека, во вновь сданных домах половину квартир в подъезде можно было одним ключом открыть. Домушникам раздолье, иной раз на дело отмычки не брали, всё же улика, случись задержание. Открывали куском изогнутой проволоки, дамскими шпильками. Отмычка — для суда аргумент весомый,

воровское приспособление, а шпильки в кармане любой иметь вправе. Вот на квартирные кражи Андрея со старожилом отдела Ватутиным и бросили.

Самое неблагодарное дело, раскрываемость таких краж низкая. Домушника если на месте преступления не застал, то выйти на след можно только через спекулянтов краденого, да и то редко. У барыг швеи есть, краденые вещи перешивают, тут же сбывчикам на толкучке отдают. Вещь слегка ношена, зато цена вполосину меньше, чем в магазине. Вещи влёт уходили, для многих низкая цена — факт решающий. Ватутин на столе целую стопку тощих уголовных дел собрал, по три листка.

Заявление о краже потерпевшего, перечень украденного, заключение эксперта по осмотру замка. Все кражи, как под копирку, впрочем — как и заявления. Трудящиеся на работу уходили, а возвратившись, обнаруживали обворованную квартиру. Воры забирали всё, что имело хоть какую-то ценность. Деньги и ценности — это в первую очередь, затем носильные вещи — пальто, шубы, платья, обувь. Не брезговали фотоаппаратами и радиоприёмниками. Порой в обворованной квартире оставалась только пустая мебель. Граждане порой сигнализировали по телефону о подозрительных личностях с баулами. Да только с транспортом у милиции плохо было. Пока доберёшься, воров след простыл. А расхлёбывать уголовному розыску, им всё недовольство обворованных доставалось.

Ватутин в сердцах сказал Андрею:

— Это ещё что, зима сейчас. А летом граждане на дачи выезжали или к родне в Подмосковье. Неделя-

ми в городских квартирах не бывали. А вернутся — обокрали, и когда — неизвестно.

Задействовали всю агентуру — скупщиков и сбытчиков выявить да шайки воровские. То, что действовал не одиночка, а группы, было понятно изначально. Стоит посмотреть на список украденного, сразу ясно — одному не унести, даже будь у вора четыре руки.

А кражи квартирные если не каждый день, то через день, а то и несколько краж за день. Андрей сразу уяснил — не одна группа действовала. Сначала наводчик должен определиться, в какой квартире зажиточно живут, когда дома не бывают. На подготовку несколько дней уйти должно. А кражи — как на конвейере. Нескольких сбытчиков удалось задержать на толкучках, с краденными вещами, уверяли — сами купили. Обыски в жилищах сбытчиков не дали ничего. Все дела грозили стать «висяками». Городской Главк и районное начальство напирали — плохо работаете, раскрываемость низкая, совсем мышей ловить перестали. Начальство понять можно, пострадавшие жалобами забросали прокуратуру, районные власти, в первую очередь исполкомы.

Андрей на пару с Ватутиным обходили квартиры. Не должно быть так, чтобы никто воров не видел, тем более белым днём. Надо только разговорить людей, найти правильный подход. Один из дедушек вспомнил, что выходил из подъезда военный, молодой, в руке чемодан держал.

— Точно военный?

— Да что я, слепой совсем? — обиделся дед. — Форма как у вас, только околыш на фуражке чёрный.

Чёрный околыш — технические войска. И насчёт формы не всё в масть. Потому как приказом министра МВД № 895 от девятого сентября 1952 года форменная одежда и звания у сотрудников милиции поменялись. Галифе стали зелёного цвета, а кители синие, околыши фуражек красные при васильковом верхе. Часть милиционеров ещё в старой форме ходила, часть в новой. Дед мог ошибиться. Настойчивыми расспросами о цвете обмундирования кое-что выяснили. Всё-таки армеец. Хотя дед видел его со спины.

После войны демобилизованные ходили в армейском обмундировании, но без погон. А кроме того, бойцы военизированной охраны имели такую же форму, только околыши фуражек тёмно-красные. А дед погоны видеть со спины не мог. Но всё же какая-то зацепка. Больше из жильцов подъезда никто о военном не вспоминал, да и не проживали здесь военнослужащие. Люди так устроены, что обслуживающий персонал — сантехников, слесарей, электриков не замечают, вернее не обращают внимания. Так же и на людей в форме. Если и был кто-то, значит, по службе. Проверять всех военных, не зная примет, — пустой номер. На заметку оперативники данный факт взяли. Тем более только что по сводкам прошла ликвидация банды Павленко. Дерзтировав в 1941 году, он сколотил преступное сообщество под видом военно-строительного управления, изготовил поддельные печати. Костяк банды занимался грабежами, мародёрством, расстрелами, причём все в военной форме. Нанятые на стороне настоящие строители на самом деле возводили объ-

екты, причём хорошего качества. Павленко ворочал миллионами. На след его вышла госбезопасность, банду в конце 1952 года повязали. Но многие «птенцы» Павленко успели податься в бега, занимались привычным воровским делом.

Через неделю, на очередной краже, при обходе квартир одна женщина тоже упомянула о военном.

— Молодой, лет тридцати, вот только в званиях я не разбираюсь.

Андрей вцепился в свидетельницу, как клещ. Какого цвета брюки были, гимнастёрка, были ли награды, значки, нёс что-нибудь в руках, особые приметы. Маловато подробностей было — брюнет, карие глаза, и всё. Но, как и в первом случае, нёс чемодан. Причём в правой руке. Обычно военнослужащие правую руку имеют свободной — отдать честь офицеру встречному или патрулю. Мелочь, но кадровый военный так не сделал бы.

Пару недель о военных на местах краж никто не упоминал. А потом Андрей с ним столкнулся, неожиданно, лицом к лицу. Подходил к подъезду многоэтажки, дверь распахнулась, вышел военный. На плечах погоны старшины, на груди две медали, брюнет. И чемодан в руке. Андрей в штатском был и без напарника.

— Гражданин, милиция! — преградил дорогу военному Андрей.

Вытянул из кармана удостоверение, показал.

— Ваши документы!

— Вы не военный патруль, я не обязан.

— Обязан, я представитель власти. Что у вас в чемодане?

Военный чемодан поставил на землю. Полез в нагрудный карман за документами, достав — протянул. Только Андрей за них взялся, как мужчина ударил левой рукой в кадык оперативника и бросился бежать. Андрей закашлялся, удар был сильным. Из глаз слёзы, воздуха не хватает. А как отошёл немного, мужчины след простыл. Чёрт, неудачно получилось. Вора видел, а задержать не смог. На себя досадовал. Расслабился, давно в серьёзные переделки не попадал. А если бы вор ножом ударил, а не кулаком? Андрей поднял чемодан, уложил на лавку у подъезда. Шуба, меховая муфта, только входившая в моду, добротные мужские туфли, почти не ношенные. Наверняка в квартире деньги были, ювелирные изделия. Воры рыжё и деньги по карманам прятали. В случае опасности, вот как сегодня, бросали баулы или чемоданы и делали ноги. Андрей на лавку уселся. Телефонировать в отдел смысла нет, вор наверняка район успел покинуть. Сейчас ляжет на дно на какой-нибудь «малине», затихарится. Знает, что спалился, опер его в лицо видел. А может, и из города уедет, больших городов в Союзе много. Чтобы квартиру обворованную осмотреть, надо заявление потерпевших. Тогда уже эксперт отпечатки пальцев снимет, замки осмотрит. Андрей вздохнул, поднял чемодан. Надо его в уголовный розыск отвезти. Увидел на асфальте оброненный военный билет, поднял. Лицо на фотографии точно вора, но если присмотреться, видны следы клея. Наверняка документ потерян был или украден. Вор таких за день по несколько штук заиметь может. Люди документы дома хранят. У самого Андрея так же, при себе только удостоверение